

ДОРОГА К ХРАМУ ЯСУКУНИ

СТОИТ ЛИ ОПАСАТЬСЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ ЯПОНСКОГО МИЛИТАРИЗМА?

**Святослав
ВИТКОВСКИЙ,
аспирант**

В западном сознании национализм часто рисуется как политико-идеологический феномен, позволяющий нации обозначить собственную культурную идентичность. Это есть средство «позитивной самоидентификации», применяющееся для определения выдающихся черт нации в сравнении с остальными. Заметим, что особенно важную роль национализм играет в жизни новообразованных, внутренне незрелых стран. Акцентируя политическую и духовную состоятельность оных, национализм как бы представляет всем доказательства их права на существование. Не обладая багажом сиюминутных экономических и культурных достижений, молодые государственные образования во многих случаях обращаются к богатому историческому наследию в поисках великих свершений, которые послужили бы верным средством их легитимации на международной арене. По этой причине столь часто возникают споры исторического характера между различными новыми странами, особенно если они созданы на руинах некогда великих держав. Каждая страна ищет в былом величии империи свой след, доказательство своего активнейшего участия в грандиозном историческом проекте, тем самым доказывая всему миру наличие у нее ресурсов, необходимых для реализации новых амбициозных замыслов.

В новейшей истории нашей страны можно найти примеры, подтверждающие правильность сказанного. В первой половине 90-х годов представители нашей интеллектуальной элиты активно участвовали в международной полемике по вопросу «национальной принадлежности» процесса объединения земель Восточной Европы под властью единого центра – Великого Княжества Литовского, а также творческого наследия поэта Адама Мицкевича и композитора Михаила Огинского. Причастность к великим именам и историческим свершениям многое значила для суверенной Беларуси, ведь это служило косвенным залогом ее будущей успешности, гарантией реализации ее национального проекта.

ВЕХИ РАЗВИТИЯ

Если национализм европейского толка видится сегодня как феномен, вытекающий из процесса самосознания нации в ходе ее взаимодействия с окружающим миром, то национализм восточный, япон-

ский, зародился в условиях полнейшей, необычайно длительной самоизоляции Японии. Целыми столетиями внешние контакты Страны восходящего солнца ограничивались лишь заимствованием политических и научных достижений западного соседа – Китая – и попытками усилить власть над Корейским полуостровом. Столь бедная палитра внешней политики и торговли все же позволила Японии создать совершенно уникальный тип ментальности, значительное место в которой занимало самосозерцание. Замкнутый японский менталитет породил особый вид национализма и национальной культуры.

С момента своего зарождения японский национализм был тесно связан с военным сословием, которое в XIII веке сумело получить полный контроль над духовной и политической жизнью Страны восходящего солнца. Предпосылкой этого стало формирование биполярной системы внутренних властных отношений. С одной стороны, развивался институт императорской власти, который, однако,

постепенно замыкался на самом себе и придворная элита все меньше обращала внимание на экономические и военно-политические проблемы своей страны. С другой стороны, ответом утонченной, рафинированной культуры Двора стала модель государственного развития, предложенная самураями: строгая централизация власти, доминирование практики государственного управления над всякой теорией, создание крайне жесткой системы иерархически обоснованных социальных отношений.

В конце XII столетия новыми правителями Японии стали представители клана Минамото. Они учредили должности военных руководителей провинций, которые фактически отстранили от власти представителей слабевшего Двора. С того времени и вплоть до окончания Второй мировой войны военные оказывали огромное влияние на все сферы жизни японского общества, что, если вернуться к нашей теме, означало постепенное сращивание национальной идеи и военных ценностей. С течением времени японский национализм приобрел известную агрессивность, которая во второй половине XIX века стала особенно явственной благодаря все более тесным идейным и экономическим связям с Западной цивилизацией, строившей свои отношения со всем остальным миром на основе мессиански-колониальной идеи. Японии, с ее чувством собственной исключительности и традиционно презрительным отношением ко всему чужеродному, она показала весьма близкой. Концепция «бремени белого человека», преобразованная японскими теоретиками, вылилась в агрессивную теорию регионального лидерства, практическое применение которой стало возможным в самом конце XIX столетия, с началом войны против ослабленного внутренними раздорами цинского Китая.

Мирное соглашение 1895 года закрепило достижения японских военных: Тайвань оказался под контролем Страны восходящего солнца. Болезненное стремление реализовать некий грандиозный экспан-

сионистский проект в конечном счете привело милитаризованную Японию к захватнической войне в Манчжурии, налаживанию союзнических отношений с итальянскими фашистами и германскими нацистами и вступлению во Вторую мировую войну.

Поражение в этом глобальном военном конфликте и подписание осенью 1945 года Акта о капитуляции ознаменовало начало новой эры в истории Страны восходящего солнца. Усилиями американских политиков Япония в скором времени превратилась в один из основных форпостов на пути «мировой коммунистической угрозы». Тесное военно-политическое сотрудничество с Соединенными Штатами вскоре дополнилось втягиванием страны в модернизированную после войны систему западной рыночной экономики. Это самым коренным образом повлияло на развитие японского общества: в кратчайшие сроки внешняя сторона его жизни так вестернизировалась, что многие к концу XX столетия ставили знак равенства между понятиями «Япония» и «Западная цивилизация».

Действительно, Япония разделила все основные принципы оной: приверженность правам человека, рыночным экономическим отношениям и миролюбивой внешней политике. Благодаря этому изменился и смысловой оттенок японского национализма: не отказавшись вовсе от амбиций регионального лидера, Япония во второй половине минувшего столетия была все же вынуждена использовать иные в сравнении с эпохой 30–40-х годов средства расширения влияния в регионе, поскольку ставка на военную силу в новых условиях стала попросту невозможной. Официальный Токио стремился создать благоприятные условия для популяризации японской массовой культуры, налаживания широкого гуманитарного сотрудничества с соседними странами с целью укрепления позиций Японии в региональных делах.

Крах СССР и ликвидация старой биполярной системы международных

ВИТКОВСКИЙ Святослав Мечиславович.

Аспирант факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Специализируется в области внешнеполитического анализа. Изучает вопросы политической философии, процессы формирования новой системы международных отношений.

Сфера научных интересов: политические процессы во франкоязычных странах Европы, внешняя политика и дипломатия стран Дальнего Востока, в частности Китая и Японии.

отношений вновь поставили Японию в затруднительное положение. Геополитические условия после холодной войны более не вынуждали США к поддержке «особых отношений» с этой страной, и скоро Токио осознал необходимость рассчитывать лишь на собственные силы в вопросах обороны. Отсутствие внешних гарантий неприкосновенности границ вынудило руководителей Страны восходящего солнца приступить к постепенному пересмотру устаревшей концепции национальной безопасности в сторону ужесточения. Это стало причиной начала общенациональной дискуссии о внесении изменений в Основной закон и вызвало беспокойство мирового сообщества относительно вероятности возрождения экспансионистских амбиций Японии.

НОВЫЙ ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ?

По мнению одного из авторов журнала «Foreign Affairs», поворотным моментом в эволюции коллективного сознания японцев стал день 18 декабря 2001 года, когда принадлежащий Японии военный корабль произвел обстрел иностранного судна, незаконно зашедшего в территориальные воды страны. Еще за десять лет до того не могло идти и речи о том, чтобы японские военные силы приняли столь жесткие меры в отношении нарушителей национальной границы, поскольку это вызвало бы взрыв негодования в обществе и возмущение по поводу нарушения Основного закона, который строго регламентирует использование военной силы [3].

Напомним, что ныне действующая Конституция Японии вступила в силу в 1947 году, когда территория страны еще находилась под американской оккупацией. Документ был призван не только установить в стране стабильный политический режим, который гарантировал бы социальную гармонию и невозможность возрождения милитаристских настроений, но и лишить потенциальных сто-

ронников экспансионистской внешней политики тех идеологических зацепок, которые когда-то уже были использованы радикально настроенными военными для обоснования своих притязаний на чужие территории и региональную гегемонию.

Речь идет прежде всего о главенствующей роли императора в общественной и политической жизни Японии. В ходе исторической эволюции японской политической системы отношения между институтом императорской власти и правящей элитой приобрели весьма необычный характер. На протяжении целых столетий император не обладал реальной властью, однако тезис о его божественном происхождении, как и о том, что он есть само воплощение японской национальной идеи, использовался правящей верхушкой для обоснования в глазах населения правомочности своих политических проектов. Подобная ситуация имела место в годы Второй мировой войны, когда гражданам предлагалась для интеллектуального усвоения теоретическая модель, в соответствии с которой император являлся неким живым обоснованием всего происходившего.

Американские политики прекрасно понимали эту характерную особенность традиционной

...На протяжении целых столетий император не обладал реальной властью, однако тезис о его божественном происхождении, как и о том, что он есть само воплощение японской национальной идеи, использовался правящей верхушкой для обоснования в глазах населения правомочности своих политических проектов.

Главное здание храма Ясукуни

японской системы властных отношений. Возможно, именно поэтому они придавали столь большое значение пересмотру системы взаимодействия института императорской власти и общественности. После определенных колебаний император Хирохито согласился отречься от идеи о своем божественном происхождении и таким образом лишил будущих сторонников экспансионистской внешней политики возможности обосновывать свои агрессивные действия именем императорской власти.

Послевоенная политическая система Японии существовала в полной гармонии с общественным мнением на протяжении всего периода холодной войны. Однако с крушением СССР, которое, по мнению видного государственного деятеля США и автора знаменитого сочинения «Конец истории» Френсиса Фукуямы, ознаменовало начало всемирного торжества западного либерализма, ситуация начала меняться. Исчезло чувство безопасности, присутствовавшее в японском обществе на протяжении целых десятилетий благодаря тесному военно-политическому сотрудничеству с США.

На смену ему пришло чувство уязвимости, избавиться от которого казалось немислимым без развития собственного военного потенциала и мучительных поисков нового самосознания на региональной и мировой политических аренах. К тому же за те десять лет, которые прошли с момента окончания холодной войны до взрыва националистических настроений в японском обществе, оформилось новое поколение японской молодежи. Ему были чужды реалии холодной войны, и оно не понимало, почему их родная страна не имеет права на собственную полновесную армию. Подобные настроения крепили день ото дня и в конечном итоге стали причиной прихода к власти столь националистически настроенного политика как Дзюинъитиро Коидзуми.

Этот политик резко выделялся на фоне остального политического бомонда Японии, представляя собой новый формат политического деятеля, в котором гораздо больше западных, нежели традиционно восточных черт. Коидзуми отказался от многих неписанных правил поведения публичного человека, которым следовали его предшественники. Он всячески избегал в своих выступлениях витиеватостей и туманных формулировок, предпочитая им четкие и ясные заявления. Неудивительно, что его первая же программная речь в должности премьер-министра была признана одной из лучших за всю послевоенную историю Японии. Хотя она и не отличалась особой новизной (глава кабинета повторял всем известные тезисы о необходимости укрепления военно-политического союза с США, развития партнерских отношений с Китаем и Россией, мирного урегулирования корейской ядерной проблемы), все же Коидзуми представил свою позицию по вопросам внутренней и внешней политики куда яснее, нежели его предшественники [1].

Дзюинъитиро Коидзуми, премьер-министр Японии с 2001 по 2006 год

С момента своего появления на большой политической арене Японии Коидзуми заявил о себе как «ястреб»: слишком бескомпромиссными, прямолинейными, а порою и откровенно жесткими бывали его выступления, касавшиеся внешней политики. Он говорил о необходимости пересмотра 9-й статьи Основного закона, в соответствии с которой Японии запрещалось иметь полноценные вооруженные силы. Не единожды он указывал на необходимость переименования Национальных сил самообороны Японии в Национальную армию и выступал за скорейшее предоставление Японии права участия в коллективной обороне [1].

Заметим, что новый премьер-министр пользовался особой популярностью среди молодежи. Причем этим он был обязан не только своему колоритному внешнему виду и харизме, но, что более важно, своей непримиримо националистической позиции и стремлению придать Японии совершенно новый международный статус.

Коидзуми явился выразителем модернизированной за годы, прошедшие с момента окончания холодной войны, японской национальной идеи. Он представил на общенациональном уровне чаяния нового поколения японцев, выросших вне идеологических рамок холодной войны и желавших видеть Японию не только экономическим, но и политическим тяжеловесом.

Подобные настроения, впервые представленные на официальном уровне, не могли не привести Японию к опасному соперничеству с другим претендентом на региональное лидерство, который также стремительно обновлял свой идеологический багаж и пытался осуществить на практике свою новую внешнеполитическую доктрину. Речь идет, конечно же, о Китае.

Пожалуй, бóльшая часть упоминаний имени Коидзуми в западной прессе в период с 2001 по 2006 год была связана с японо-китайскими отношениями. Осо-

бенно много внимания персоне премьер-министра уделялось после каждого его визита в мемориальный комплекс Ясукуни. Этот храм был построен в 1869 году в память о тех японцах, которые погибли во время гражданской войны, приведшей к Реставрации Мэйдзи. Однако спустя некоторое время назначение храма приобрело несколько иной оттенок: он стал местом почитания всех погибших в боях за Японию без различия национальности и вероисповедания. После Второй мировой войны он был также местом упокоения военных преступников, казненных по решению Токийского трибунала. (Стоит напомнить, что среди осужденных было всего 14 военных преступников группы «А», в которую входили наиболее одиозные лидеры милитаристской Японии. Семерых из них впоследствии казнили, остальные же умерли в заключении.)

В период пребывания Коидзуми у власти китайские и корейские официальные лица неоднократно призывали руководителей Страны восходящего солнца отказать от посещений комплекса. Но в ответ слышали:

- во-первых, комплекс Ясукуни сравним с Арлингтонским кладбищем и, поскольку неэтично призывать лидеров США не почитать память погибших в ходе Второй мировой войны американских солдат посредством посещения одного, столь же неэтично призывать японцев отказаться от почитания своих национальных героев;
- во-вторых, требования переноса праха военных преступников, захороненных в Ясукуни, в иное место невыполнимы, поскольку национальная доктрина синто запрещает перезахоронение единожды обретших покой. А если по каким-либо экстренным причинам это все же необходимо, то перезахоронить нужно прах всех покойных, на что никогда не согласятся ни их семьи, ни духовные власти;
- в-третьих, призывы тех же китайских чиновников оказать давление на духовные власти Японии с тем, чтобы они согласились на перезахоронение праха

военных преступников, также несостоятельны, поскольку в Стране восходящего солнца церковь отделена от государства и официальный Токио не может оказывать давление на духовенство [4, 7, 8].

В апреле 2005 года группа из 80 японских парламентариев совершила демонстративный визит в храм Ясукуни, чтобы почтить память погибших во славу Японии воинов. В это же время в Китае и Южной Корее проходили многочисленные анти-японские демонстрации. Вызывающий поступок японской стороны, нужно полагать, стал ответной политической реакцией на искусственное подогревание властями КНР антияпонских настроений. Китайские власти также приняли меры, призванные продемонстрировать крайнее недовольство поведением японских официальных лиц. Так, в мае 2005 года вице-премьер Госсовета КНР отказался от запланированных ранее переговоров с японскими лидерами, заявив, что причиной тому явилось недавнее посещение высшими руководителями Японии храма Ясукуни.

Отметим, что после окончания срока полномочий Коидзуми, когда на смену ему в должности главы кабинета министров пришел Синдзо Абэ, проблема Ясукуни, которая на протяжении ряда лет служила камнем преткновения в японо-китайских отношениях, казалось, разрешилась сама собой. Новый премьер в отличие от своего старшего соратника из Либерально-демократической партии оказался не столь эмоциональным популистом. Время от времени произнося ориентированные на широкие общественные массы речи о необходимости ревизии некоторых статей Конституции и создания Национальной армии, он все же трезво оценил международную обстановку и пришел к выводу о необходимости налаживания отношений между Японией и Китаем.

Подтверждением тому стал его визит осенью 2006 года в Пекин, где он встретился с руководством КНР и предложил начать переговоры по ряду проблемных вопросов.

Как расценить столь разительную перемену во внешней политике руководства Японии? Должно быть, искусственно разжигаемая в годы нахождения у власти кабинета Коидзуми вражда с Китаем явилась попыткой Японии доказать самой себе свою внешнеполитическую состоятельность. В ходе этого эксперимента выяснилось, что Стране восходящего солнца с учетом ее внутри- и внешнеполитического положения необходимо постепенно избавляться от становящихся все более формальными союзнических отношений с Соединенными Штатами и постепенно «подстраиваться» под Китай.

В 2001–2006 годах отношения между Японией и Китаем омрачались также намерением правящих кругов Страны восходящего солнца начать процедуру ревизии Конституции с тем, чтобы создать вместо Национальных сил самообороны полновесную армию, которой руководило бы министерство обороны.

Необходимо заметить, что дискуссия о внесении изменений в Основной закон длится уже не первый год и особенно острый характер она приобретает накануне очередных парламентских выборов, когда руководители Либерально-демократической партии, стремясь заручиться поддержкой как можно большего числа избирателей, в каждом своем выступлении подчеркивают необходимость пересмотра некоторых положений Конституции в соответствии с реалиями новой эпохи.

Стоит признать, что эти заявления не беспочвенны. Ведь Конституция Японии была разработана более 60 лет назад, и главной ее задачей было создание в стране такого политического механизма, который свел бы к минимуму возможность прихода к власти радикально настроенных политических сил. И действительно, для этого было многое сделано. Знаменитая 9-я статья запретила Японии использовать войну как средство достижения своих внешнеполитических целей. Статья 66-я установила, что все главные министерские

должности могут занимать исключительно гражданские лица [6]. Таким образом были созданы условия для того, чтобы военные никогда более не сумели завоевать сильных позиций в руководстве страной, как то было накануне Второй мировой войны. В Японии также была организована монолитная политическая система во главе с ЛДПЯ, которая набирает свои руководящие кадры из очень узкой группы привилегированных семейств и формирует преемственную, а потому стабильную политическую элиту. Вообще же Конституция Японии 1947 года носит ярко выраженный пацифистский характер и навязанное властями США миролюбие присутствует практически во всех разделах Основного закона Японии.

Рескрипт японского императора из завершения войны. 1945 год

Добавим, что в 50-е годы Соединенные Штаты также взяли на себя обязательства по поддержанию внутреннего порядка в Японии, чтобы в случае выступлений радикально настроенных кругов принять необходимые меры по недопущению их к власти. США обязались всячески поддерживать Национальные силы самообороны Японии и содействовать повышению их боеспособности. И, конечно же, Вашингтон сохранил свое военное присутствие на территории Японии.

В начале 50-х годов со всей территории Страны восходящего солнца был снят оккупационный статус, однако наиболее важный с оборонной точки зрения пункт, архипелаг Окинава, оставался на положении оккупированной территории до начала 70-х. Но и после того, как в 1972 году центральное правительство обрело полный суверенитет над этой территорией, там остался 40-тысячный военный

контингент США. Правда, не так давно, весной 2006 года, было заключено японо-американское соглашение о постепенном выводе американских войск и их поэтапной передислокации в район тихоокеанского острова Гуам [2].

Сегодня первоначальная редакция Конституции Японии выглядит явно архаичной. Страна нуждается в собственных юридически полноценных вооруженных силах, которые позволили бы ей чувствовать себя более уверенно в соседстве с быстро растущим Китаем, представляющим, согласно одному из положений «Плана обороны и охраны на 2004–2008 годы», непосредственную угрозу безопасности Японии [9]. Существует также, пусть и в несколько бледном виде, угроза ядерного нападения со стороны Северной Кореи, которая может потребовать превентивного военного удара со стороны Японии, что, однако, станет прямым нарушением Конституции.

Самые решительные шаги на пути к изменению Основного закона японские власти сделали весной 2005 года, когда конституционная комиссия, состоявшая из депутатов нижней палаты парламента, представила на рассмотрение спикера доклад, составленный по итогам ее работы. Большая часть членов комиссии высказалась за внесение изменений в Конституцию, обосновывая их необходимостью тем, что документ, принятый в далеком 1947 году, устарел и не позволяет Японии действовать на международной арене в соответствии с ее современным положением в мире. Авторы доклада отметили, что 9-я статья Конституции, запретившая Японии иметь собственные вооруженные силы и принимать участие в коллективной обороне, нуждается в срочном пересмотре. Помимо этого, члены комиссии призвали исполнительную власть согласиться с тем, чтобы Основной закон установил возможность передачи императорской власти не только по мужской, но и по женской линии. В качестве вывода члены комиссии поместили в докладе призыв к высшему политическому руководству Японии поскорее одобрить пред-

лагаемые изменения к Основному закону и начать процедуру их законодательного закрепления.

Наконец весной 2007 года парламент Японии принял новый закон, в соответствии с которым в стране планируется провести референдум по вопросу о внесении ряда изменений в 9-ю статью Конституции. В частности, речь идет о предоставлении Японии права располагать средствами ведения войны и участвовать в коллективной обороне. Однако пункт об отказе Страны восходящего солнца от войны как средства решения международных споров не подлежит каким-либо изменениям. В законе также указано, что всенародное голосование, как и вынесение на рассмотрение парламента предложений о конституционной реформе, невозможны ранее 2010 года.

Таким образом, Япония на протяжении последних полутора десятков лет всеми своими действиями демонстрирует стремление к постепенному отказу от устаревших догм внутри- и внешнеполитической активности, которые на протяжении многих лет налагали существенные ограничения на военно-политическую жизнь страны. Процесс этот непосредственным образом связан с изменениями в системе международных отношений, которые произошли после окончания холодной войны. Как полагают многие зарубежные аналитики, действия японской стороны выглядят во многом обоснованными, поскольку всякое государство имеет право вносить изменения в свой традиционный курс с тем, чтобы соответствовать реалиям новой эпохи. И не совсем уместно заявлять, что стремление Японии обладать юридически состоятельной армией и принимать участие в международных военно-политических блоках доказывает стремление страны вернуться к агрессивной внешней политике и воинственному национализму. Это неотъемлемые права суверенного государства, которое уже сполна заплатило за свое милитаристское прошлое и сегодня хочет стать полноценным участником мирового политического процесса [7].

И если предположить, что Япония действительно пожелала бы вернуться к своей экспансионистской внешней политике, то на пути всякого ее националистического проекта встали бы два труднейших препятствия. Первое заключается в том, что на данный момент Страна восходящего солнца не обладает необходимыми для каких-либо экспансионистских действий демографическими ресурсами. Японская нация принадлежит к числу самых пожилых в мире. Это лишает ее возможности приступить в обозримом будущем к расширению своего жизненного пространства. Второе затруднение выявилось в июле 2007 года, когда прошли выборы в Верхнюю палату Парламента Японии. Либерально-демократическая партия во главе с премьер-министром Синдзо Абэ потерпела сокрушительное поражение от Демократической партии. И, как отметили западные средства массовой информации, одной из возможных причин этого поражения стало нежелание властей отказаться от националистической риторики и уделять более пристальное внимание решению внутренних проблем страны [5].

В заключении отметим, что неуместными являются заявления о том, будто все возрастающий интерес японцев к своей истории и посещения ведущими политиками страны храма Ясукуни есть свидетельства преклонения перед милитаристским наследием. Это вполне нормальное желание подчеркнуть свое национальное достоинство, оно не отрицает признания прошлых ошибок.

Обострение же отношений с Китаем связано не столько с деятельностью японских националистов, сколько с противостоянием двух проектов социально-экономического и политического развития. Нет сомнений в том, что на сегодняшний день никому не стоит опасаться нового японского национализма. Доводы же тех, кто склонен видеть в меняющемся политическом курсе Страны восходящего солнца свидетельства ее возвращения к экспансионистским устремлениям, выглядят не совсем убедительно. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин, В. Новое правительство Японии: что кроется за «феноменом Коидзуми»? / В. Головин // Компас. – 2001. – № 19. – С. 40–51.
2. Guyonnet, E. Les ambitions militaires du Japon passent par les Etats-Unis / E. Guyonnet // Le Monde diplomatique. – 2006. – N 4. – P. 24–25.
3. Matthews, E. Japan's new nationalism / E. Matthews // Foreign Affairs. – November/December 2003. – P. 74–90.
4. Niquet, V. Chine-Japon: l'affrontement / V. Niquet / Paris: Perrin Asie, 2006. – 220 p.
5. The humiliation of Shinzo Abe // The Economist. – 2007. August 4–10. – P. 10–11.
6. Конституция Японии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: asiapacific.narod.ru/countries/japan/constitution_of_japan.htm. – Дата доступа: 28.04.2007.
7. К традиционному посещению храма Ясукуни не должна примешиваться политика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.japantoday.ru/znakjap/politik/0104/P-Y5.shtml. – Дата доступа: 16.04.2007.
8. Храму Ясукуни пока не может быть альтернативы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.japantoday.ru/znakjap/politik/0104/P-JT7.shtml. – Дата доступа: 25.03.2007.
9. Японская стратегия обороны предполагает потенциальную агрессию Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.japantoday.ru/znakjap/politik/1104/P-JT10.shtml. – Дата доступа: 31.03.2007.